

Астрид
Линдгрен

ЖИВ ЕЩЁ
ЭМИЛЬ
ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ!

Иллюстрации Бьёрна Берга

Эмиль из Лённеберги

Астрид Линдгрен

Жив ещё Эмиль из Лённеберги!

«Азбука-Аттикус»

1970

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Линдгрэн А.

Жив ещё Эмиль из Лённеберги! / А. Линдгрэн — «Азбука-Аттикус», 1970 — (Эмиль из Лённеберги)

ISBN 978-5-389-16667-7

Герой этой весёлой повести Астрид Линдгрэн – проказник и сорванец Эмиль. О его проделках известно теперь всему миру. Ну кто ещё додумается посадить лягушку в корзинку с едой? Или разыграть из себя бедного сироту, чтоб подзаработать немного деньжат? Или поджечь перо на шляпе у фермерши? Настоящий сорвиголова!

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-389-16667-7

© Линдгрэн А., 1970
© Азбука-Аттикус, 1970

Содержание

Суббота, 12 июня	11
Воскресенье, 13 июня	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Астрид Линдгрэн

Жив ещё Эмиль из Лённеберги!

ASTRID LINDGREN

Än lever Emil i Lönneberga 1970

First published in 1963 by Rabén & Sjögren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com.

All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se

© Text: Astrid Lindgren, 1970 / The Astrid Lindgren Company

© Illustrations Björn Berg / Bildmakarna Berg

© Брауде Л.Ю., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Паклина Е. А., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Machaon®

* * *

Во всей Лённеберге, во всём Смоланде, во всей Швеции и, кто знает, может, на всём свете никогда не было большего проказника, чем Эмиль, который в прежние времена жил на хуторе Катхульт близ Лённеберги, в провинции Смоланд. И подумать только! Ведь именно он, когда вырос, стал председателем муниципалитета. Да-да, он стал председателем и лучшим парнем

во всей Лённеберге. Видишь ли, даже самые отчаянные проказники вырастают и со временем могут стать полезными людьми. Верно, это хорошо? Ты не согласен со мной? Да ты, конечно, и сам немало проказничал, а? Ах нет? Неужели я ошибаюсь?

Мама Эмиля, Альма Свенсон из Катхульты, писала о всех его проделках в синих школьных тетрадах, которые прятала в ящике комода. В конце концов их там столько набилось, что ящик едва выдвигался, так как то одна, то другая тетрадка загибалась и вставала торчком. Эти синие тетради и по сей день хранятся в том же старом комоде, все, кроме трёх, которые Эмиль однажды, когда ему понадобились деньги, пытался продать учительнице воскресной школы. Когда же она не захотела их купить, он взял да и смастерил из них бумажные кораблики и пустил плавать в хуторской ручей, так что их больше никто не видел.

Учительница воскресной школы никак не могла понять, зачем ей покупать какие-то тетради у Эмиля.

– На что они мне? – удивлённо спросила она.

– Чтобы читать детям и учить детей не быть такими плохими, как я, – сказал Эмиль.

Уж кто-кто, а Эмиль знал, каким он был озорником, но если когда и забывал об этом, то рядом всегда была Лина, служанка из Катхульты, которая тут же напоминала ему, какой он сорванец.

– Что за прок держать тебя в воскресной школе, – твердила она. – С тебя всё как с гуся вода. Нет, не бывать тебе в раю! Разве что там потребовалась бы гроза, понятно?

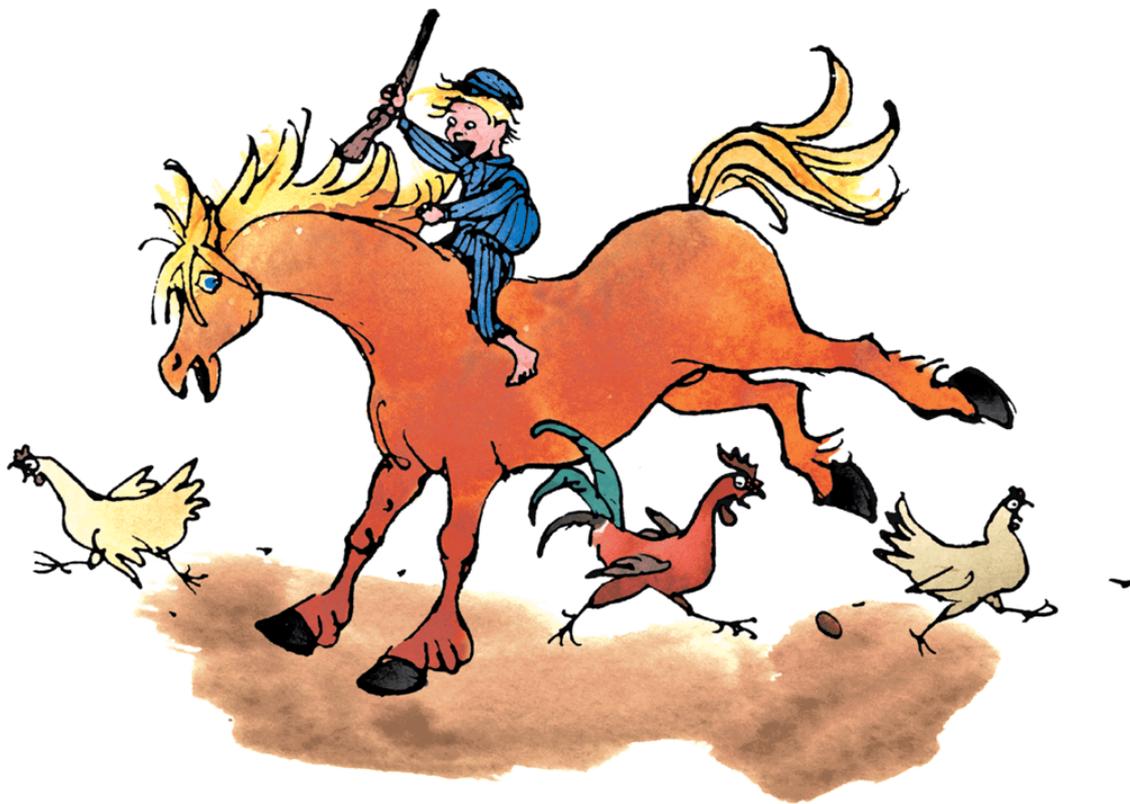
Лина хотела сказать, что, где бы ни появлялся Эмиль, там тотчас поднималась суматоха, гремел гром и сверкали молнии.

– Сроду не видывала эдакого пострела! – вздыхала Лина и брала с собой на пастбище маленькую Иду, сестрёнку Эмиля, которая собирала землянику, пока Лина доила хуторских коров. Ида нанизывала ягоды на соломинку и приносила домой по пять соломинок, густо усаженных земляникой. А Эмиль выклянчивал у неё всего лишь две соломинки – вот какой он был великодушный!

Только не думай, что Эмилю хотелось тащиться вместе с Линой и Идой на пастбище. Как бы не так! Ему по душе было занятие повеселее! Он хватал свои шапейку и ружейку и нёсся с ними напрямик на лужайку, где паслись лошади. Там он вскакивал на Лукаса и мчался во весь

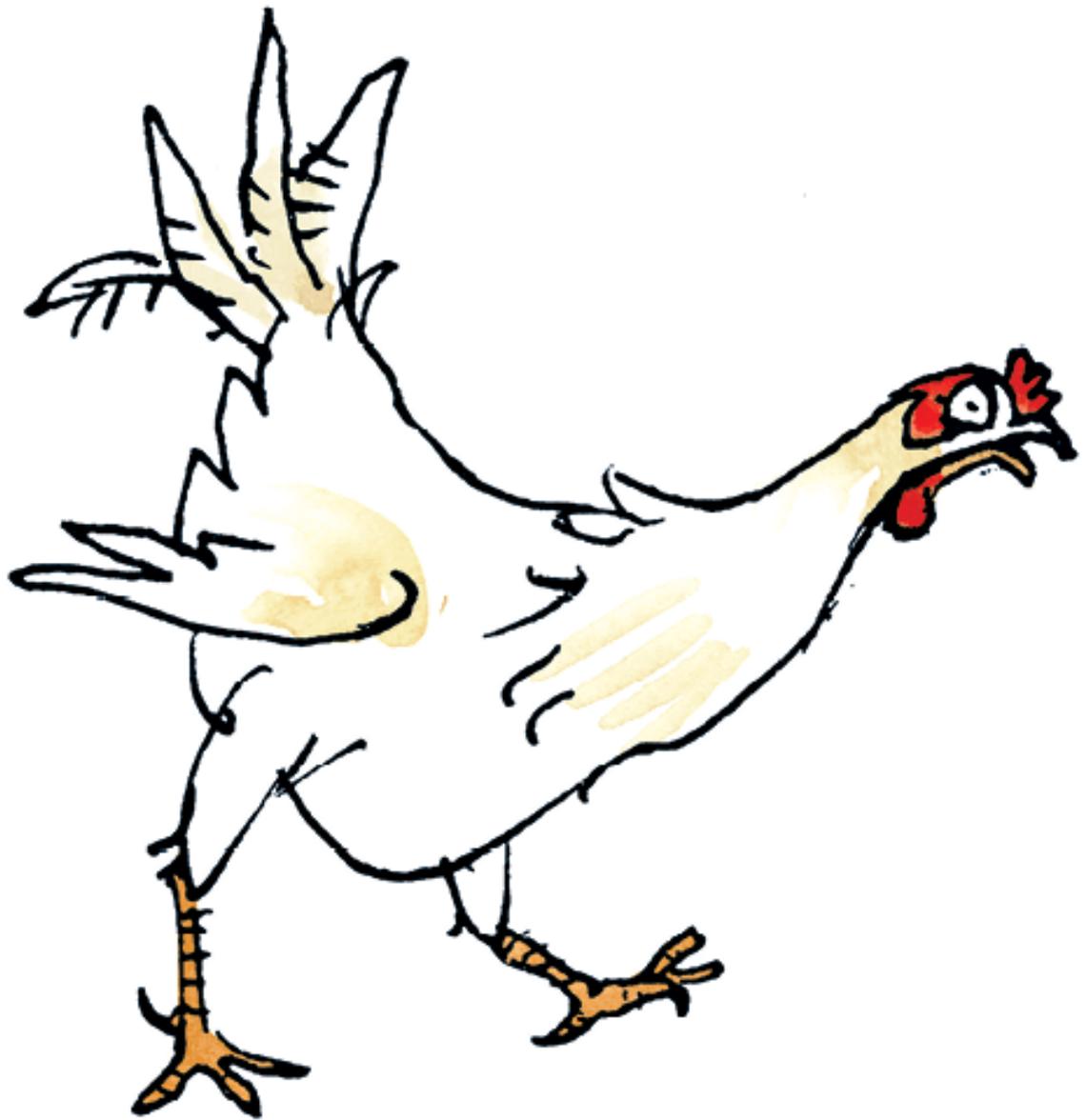
опор сквозь заросли орешника, только земля из-под копыт летела в разные стороны. «Гусары Смоланда идут в атаку...» – вот как называлась эта игра. Гусаров он видел на снимке в газете и знал, как они скачут верхом.

Шапейка, ружейка и Лукас были, пожалуй, самыми дорогими сокровищами Эмиля. Лукаса Эмиль сам раздобыл на ярмарке в Виммербю после одного из своих лихих приключений. Потрёпанную синюю кепчонку купил ему как-то папа. Ружьё было игрушечное – его вырезал из дерева работник из Катхульты, Альфред, потому что он очень любил Эмиля. Вообще-то Эмиль и сам запросто мог бы выстругать себе ружьё. Уж если и был на свете мастак резать по дереву, так это Эмиль. Да и упражнялся он в этом деле прилежно. И вот почему. После каждой проделки Эмиля запирали в столярную, и там он обычно стругал из дерева маленького забавного старичка. Под конец у него набралось триста шестьдесят девять деревянных старичков. Они целы и по сей день – все, кроме одного, которого мама Эмиля закопала в землю за кустами смородины: уж больно он был похож на пастора! «Нельзя выставлять пастора в таком виде», – говорила мама.

Ну вот, теперь ты примерно знаешь, каким был Эмиль. Ты знаешь, что он проказничал круглый год – зимой и летом. А я как-то прочитала все эти синие тетради, и потому мне досконально известны все его приключения. Эмиль совершил немало и добрых дел. Справедливости ради надо вспомнить все, а не только его ужасные проказы. Впрочем, не все они были ужасны, многие и совсем безобидны. Собственно, только третьего ноября случилось нечто умопомрачительное... Нет, ни за что, и не проси, всё равно не расскажу, что он натворил третьего ноября. Я этого никогда не сделаю, раз я обещала его маме. Лучше для примера возьмём день, когда Эмиль вёл себя вполне прилично, хотя его папа наверняка думал иначе.

А именно...

Суббота, 12 июня

Как Эмиль заключил несколько сногшибательных, но удачных сделок на аукционе в Бакхорве

В одну из июньских суббот в Бакхорве проходил аукцион. Все хотели там побывать, так как во всей Лённеберге и во всём Смоланде не было зрелища более увлекательного. Папа Эмиля, Антон Свенсон, разумеется, тоже отправился туда, за ним увязались работник Альфред со служанкой Линой, и, уж конечно, дело не обошлось без Эмиля.

Если тебе когда-нибудь доводилось бывать на аукционе, ты знаешь, чем там занимаются. Ты знаешь, что, когда люди хотят продать свои вещи, они устраивают аукцион, чтобы другие могли поехать и купить то, что им приглянется. Хуторяне из Бакхорвы хотели распродать всё до нитки, потому что собирались уезжать в Америку, как многие в те времена. Не тащить же им, в самом деле, с собой из Бакхорвы деревянные кухонные диваны и сковородки, коров, поросят и кур. Вот почему в тот год, в самом начале лета, там должен был состояться аукцион.

Папа Эмиля надеялся подешевле купить корову, а если повезёт, и поросую свинью, а может, и парочку кур. Вот почему он хотел побывать в Бакхорве, и вот почему Альфреду с Линой разрешено было сопровождать его. Ведь кто-то должен помочь ему пригнать домой скотину и птицу, которых он задумал купить!

– А вот зачем ехать с нами Эмилю, этого я никак в толк не возьму, – сказал папа.

– Там, поди, и без него шуму и грому хватает, нечего ещё тащить с собой Эмиля, – поддакнула Лина.

Лина знала, как много свар и драк случается обычно на таких аукционах в Лённеберге и во всём Смоланде, так что по-своему она была права. Но мама Эмиля с укором взглянула на Лину и сказала:

– Если Эмиль хочет поехать со всеми на аукцион, то пусть едет, не твоего ума это дело. Подумай-ка лучше, как ты сама будешь вести себя. Не кривляйся и не гогочи, – ты ведь всегда это делаешь на людях.

Тут Лина смолкла.

Эмиль напялил свою кепчонку и собрался в дорогу.

– И мне что-нибудь купите, – попросила маленькая Ида, умильно склонив головку.

Она попросила, ни к кому, собственно, не обращаясь, просто так, но папа нахмурил брови:

– Купи да купи! Только и слышу. Разве я не купил тебе недавно мятных леденцов на целых десять эре? В день твоего рождения, в январе, неужто забыла?

Эмиль как раз подумывал попросить у папы монетку – не ехать же на аукцион без единого эре в кармане, – но теперь это само собой отпало. Время было самое неподходящее. Это он понимал. Во всяком случае, если просить, то не теперь, когда все спешили и папа, готовый тронуться в путь, уже сидел в большой тележке, на которой возили молоко. «Но чего нельзя получить так, можно раздобыть иначе», – подумал Эмиль. С минуточку он напряжённо размышлял, а потом сказал:

– Езжайте вперёд, а я прискачу следом на Лукасе!

Папа Эмиля сразу заподозрил неладное, но ему хотелось уехать поскорее, и он сказал:

– Давай, давай, а то и вовсе оставайся дома! Спокойней будет!

Он щёлкнул кнутом, и лошади понеслись. Альфред помахал Эмилю, Лина – маленькой Иде, а мама закричала папе:

– Смотрите не поломайте там руки-ноги, возвращайтесь домой целёхоньки!

Мама сказала это, потому что она тоже знала, какие безобразия творятся порой на аукционах.

Пока молочная повозка не скрылась за поворотом, Эмиль стоял в дорожной пыли и глядел ей вслед. Но потом он заторопился, так как надо было срочно раздобыть денег. Как ты думаешь, что он для этого сделал?

Если бы ты жил в Смоланде и был ровесником Эмиля, ты бы знал, сколько ворот стояло, к счастью, в те времена на дорогах. Их ставили для того, чтобы быки, коровы и овцы каждого смоландского крестьянина паслись только на пастбищах своих хозяев. А может, и для того, чтобы смоландские малыши могли хоть изредка заработать монетку в два эре, открывая ворота какому-нибудь ленивому крестьянину, которому надо было проехать дальше, но не хотелось слезать с повозки и самому отворять ворота.

Были ворота и в Катхульте, но, по правде говоря, Эмиль не очень-то разжился на них, так как хутор стоял на отшибе и туда редко кто навевывался из прихода. Лишь один хутор лежал ещё дальше Катхульты – Бакхорва, где как раз и должен был состояться аукцион.

«Значит, тому, кто туда поедет, не миновать наших ворот», – решил Эмиль, этакий плутишка.

Битый час простоял он сторожем у ворот и заработал – подумать только! – целых пять крон и семьдесят четыре эре. Повозки с лошадьми тянулись одна за другой, и только он закрывал ворота, как тотчас надо было снова их отворять.

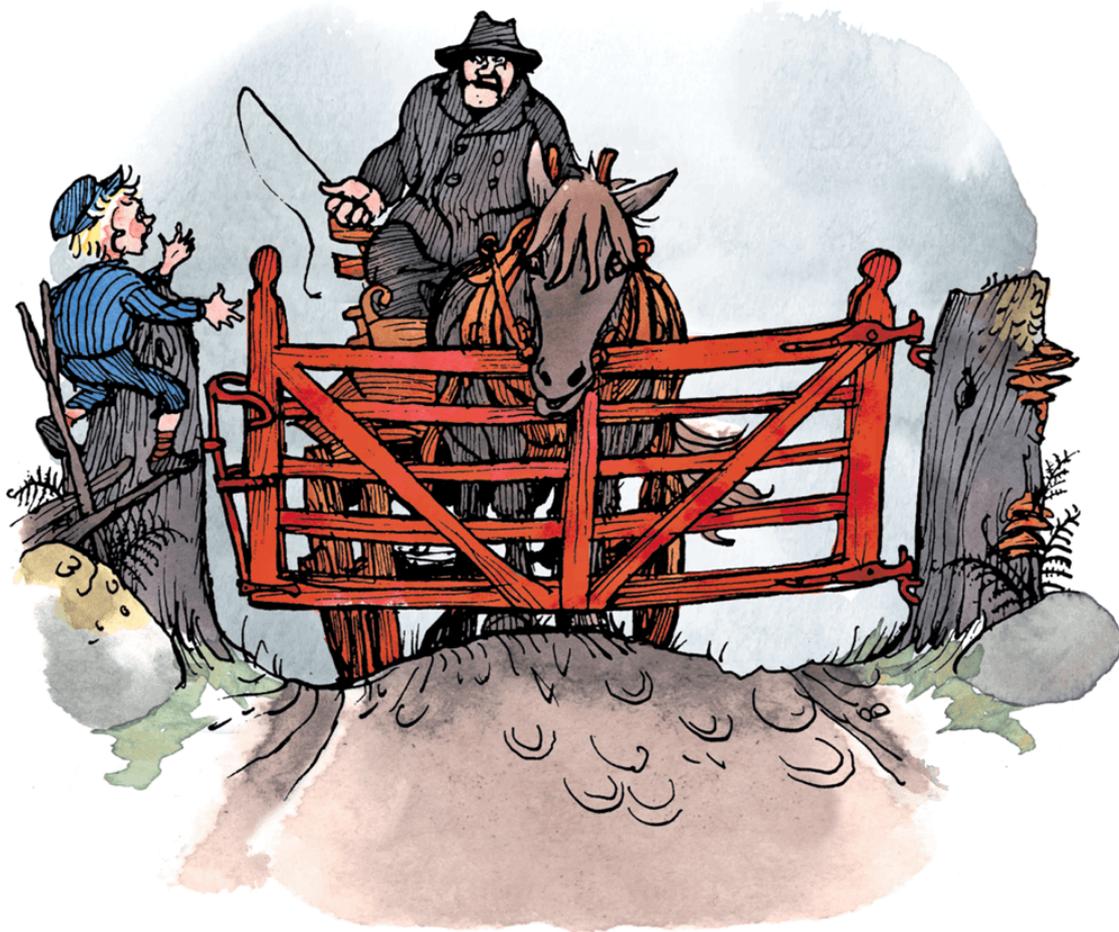
Все крестьяне, спешившие в Бакхорву, были в хорошем настроении, потому что ехали на аукцион, и охотно швыряли монетки в два и пять эре в кепчонку Эмиля. Некоторые богатые крестьяне даже раскошеливались на десять эре, хотя, понятно, мигом в этом раскаивались.

А торпарь из Кроки разозлился, когда Эмиль захлопнул ворота перед самой мордой его сивой кобылки.

– Чего затворяешь ворота! – закричал он.

– Надо же мне сначала их закрыть, чтобы потом открыть.

– Чего ж ты в такой день не оставишь ворота открытыми? – зло спросил хуторянин из Кроки.

– Что я, рехнулся! – ответил Эмиль. – Это нынче-то, когда мне впервые есть хоть какая-то польза от этих старых ворот?

Но торпарь из Кроки огрел Эмиля кнутом и не дал ему ни пол-эре.

Когда все, кто собирался побывать на аукционе, проехали через Катхульт и стоять у ворот стало незачем, Эмиль вскочил на Лукаса и понёсся вскачь так резво, что в кармане его брючек забренчали монетки.

Аукцион в Бакхорве был уже в полном разгаре. Люди толпились вокруг вещей, расставленных рядами во дворе. При ярком солнечном свете они казались совсем неприглядными. Посреди толпы на бочку взобрался аукционщик. Ему давали хорошую цену за сковородки и кофейные чашки, за старые деревянные стулья и ещё за многое другое. Понимаешь, так вот и бывает на аукционе: кто-нибудь выкрикивает, объявляя аукционщику, сколько он хочет заплатить за какую-нибудь вещь, ну а если найдётся такой, кто хочет заплатить больше, то ему и достаётся кухонный диван или что-либо другое.

Когда на двор прискакал Эмиль верхом на Лукасе, народ всколыхнуло словно ветром. В толпе зашумели:

– Раз явился этот мальчишка из Катхульты, лучше, пожалуй, ехать домой!

Эмиль же был настроен на крупные сделки, ему не терпелось начать торговаться, да и деньжата у него завелись, так что было от чего голове пойти кругом. Не успев спешиться, он уже предложил три кроны за старую железную кровать, которая была ему нужна как телеге пятое колесо. К счастью, одна крестьянка предложила за кровать четыре кроны, и Эмиль избавился от ненужной покупки. Но он азартно продолжал набивать цену почти на всё без исключения и не успел опомниться, как – бах! – стал хозяином трёх вещей. Первой была выцветшая бархатная шкатулочка с мелкими голубыми ракушками на крышке – ну она-то ещё пригодится маленькой Иде. Второй была лопата с длинной ручкой – сажать хлебы в печь. А третьей – старая ржавая пожарная помпа¹, за которую во всей Лённеберге никто не дал бы и десяти эре. А Эмиль выложил двадцать пять и тотчас получил её.

«Вот беда, зачем она мне?» – подумал Эмиль. Но ничего не поделаешь – хотел он этого или нет, помпой теперь владел он.

Пришёл Альфред, взглянул на покупки Эмиля и рассмеялся.

¹ Помпа – насос.

– Владелец помпы Эмиль Свенсон, – сказал он, – на что тебе, собственно говоря, эта штуковина?

– А если грянет гром и вспыхнет пожар? – ответил Эмиль.

И в тот же миг грянул гром – так, во всяком случае, вначале подумал Эмиль. Но это был всего-навсего папа Эмиля, который схватил сына за шиворот и тряхнул так, что кудри мальчика растрепались.

– Ах ты неслух! – крикнул папа Эмиля. – Что ты ещё надумал?

А дело было так. Антон Свенсон спокойно прогуливался возле хлева и присматривал себе корову, когда примчалась запыхавшаяся Лина:

– Хозяин, хозяин, Эмиль тут – всюю скупает помпы и ещё всякую всячину. Разве ему позволено?

Папа не знал, что у Эмиля были свои собственные деньги, и подумал, что ему самому придётся расплачиваться за покупки Эмиля. Поэтому неудивительно, что папа побледнел и затрясся, услышав о насосе.

– Пусти меня! Я всё купил на свои деньги!.. – кричал Эмиль.

Ему всё же удалось растолковать отцу, как он добыл своё великое богатство – всего-навсего открывая ворота в Катхульте. Папе Эмиля, конечно, понравилось, что Эмиль такой дельный и толковый. Но ему не понравилось, что Эмиль так не по-деловому и бестолково сорит деньгами.

– Ни о каких дурацких сделках я и знать не хочу, – строго сказал папа.

Он потребовал показать ему всё, что приобрёл Эмиль. И очень расстроился, увидев покупки сына: старую бархатную, ни на что не годную шкатулочку и лопату для хлеба – к чему она, когда дома в Катхульте у них своя, хорошая. Дурацкие покупки! Хотя никудышнее всего, конечно, помпа.

– Заруби себе на носу! Покупать надо только самое необходимое, – изрёк папа Эмиля.

Может, он и прав, кто спорит, но как знать, что необходимо? Лимонад, например, необходим? Эмиль, во всяком случае, был убеждён, что необходимо. Огорчённый отцовской взбучкой, он слонялся без дела, пока не обнаружил беседку среди кустов сирени, где продавали пиво и лимонад. Ох уж эти хуторяне из Бакхорвы, вечно что-нибудь придумают! Из пивоварни в Виммербю они привезли на аукцион несколько ящиков с пивом и лимонадом, чтобы напоить жаждущих.

Эмиль как-то раз в жизни уже пил лимонад. И он очень обрадовался, когда увидел, что здесь его тоже продают. А у него ведь карман набит деньгами. Подумать только, как всё сошлось, какая везуха!

Эмиль попросил три кружки лимонада и выпил их разом. Но тут снова грянул гром. Неожиданно откуда-то опять вынырнул отец. Схватив сына за шиворот, он так потрянул его, что лимонадный газ, шипя, ударил Эмилю в нос.

– Экий неслух! Стоишь тут и прохлаждаешься, лимонад пьёшь! В кои-то веки удалось заработать немного денегат...

Но тут Эмиль разошёлся не на шутку.

– Ты что это, в самом деле! – сердито заорал он, не скрывая своего возмущения. – По-твоему, нет у меня денег – я не могу пить лимонад! А есть у меня деньги – мне нельзя пить лимонад! Когда же мне, чёрт возьми, пить лимонад?

Папа Эмиля строго посмотрел на него:

– Вот запрю тебя в столярке, когда вернёмся домой! – и, не говоря больше ни слова, исчез на задворках. А Эмиль остался на месте.

Он горько каялся, понимая, как плохо вел себя. Мало того что нагрубил отцу, так ещё – хуже некуда – помянул чёрта. Это ведь почти ругательство, а ругательства в Катхульте строго-настрого запрещены. Ведь папа Эмиля был церковным старостой!.. Эмиль раскаивался

несколько минут, а потом купил ещё кружку лимонада и угостил Альфреда. Они сели у дровяного сарая и болтали, пока Альфред не выпил свой лимонад.

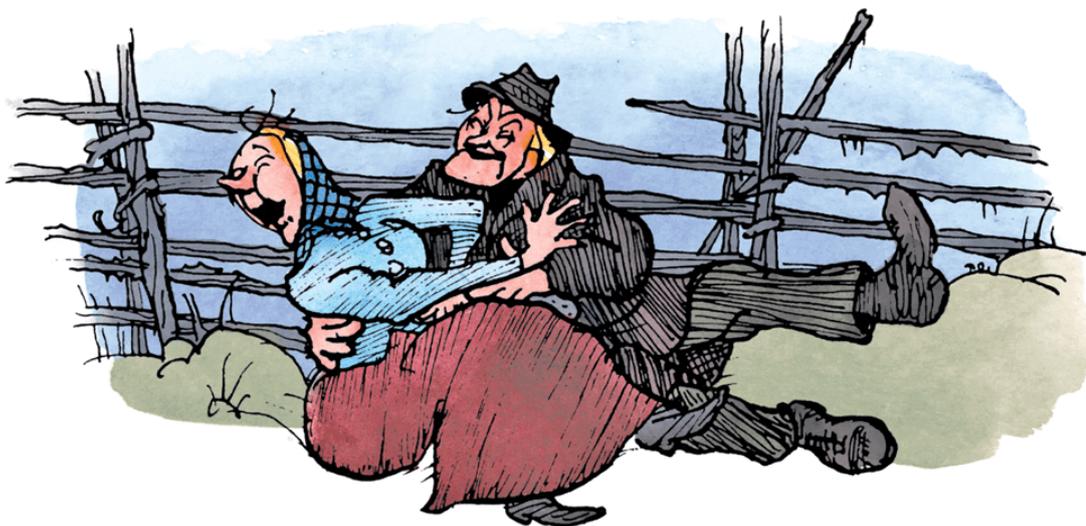
– Ничего вкуснее я за всю свою жизнь не пробовал, – сказал он.

– Ты не видел Лину? – спросил Эмиль.

Тут Альфред показал большим пальцем туда, где, прислонившись к изгороди, на траве сидела Лина. Возле неё пристроился торпарь из Кроки, тот самый, который огрел Эмиля кнутом. Сразу было видно, что Лина забыла наказ хозяйки, – она кривлялась и гоготала, как всегда, когда бывала на людях. Видно было также, что торпарю нравилось её кривлянье, и, увидев это, Эмиль повеселел.

– Знаешь, Альфред, женить бы нам Лину на торпаре из Кроки, – мечтательно сказал он. – Тогда бы ты, может, и вовсе от неё избавился.

Дело в том, что Лина определила Альфреда себе в женихи и собиралась выйти за него замуж, хотя Альфред противился этому изо всех сил. Альфред с Эмилем уже давно ломали голову, как им спасти Альфреда от Лины. А тут оба они воспрянули духом.

Подумать только, заполучить этого торпаря из Кроки в женихи Лине! Никто не спорит, он стар, ему под пятьдесят, и он совсем лысый, но всё же у него есть свой хуторок, хоть и арендованный, и Лине наверняка придётся по душе там хозяйничать.

– Мы уж позаботимся о том, чтобы никто не подошёл и не помешал им, – сказал Эмиль.

Он знал, что Лине придётся немало покривляться и поломаться, пока торпарь из Кроки совсем потеряет голову и в самом деле попадётся на крючок.

Тем временем на задворках возле хлева начали продавать скот, и Альфред с Эмилем пошли туда поглазеть.

Папа Эмиля очень удачно выторговал свинью, которая вот-вот должна была опороситься. Но из-за коров начался спор. Один крестьянин из Бастефаля хотел заграбастать всех семерых коров, и папе Эмиля пришлось предложить восемьдесят крон за ту корову, которую он себе присмотрел. Он тихо постанывал, выкладывая этакую неслыханную сумму, и у него уже не оставалось денег даже на покупку кур. Их купил тот же крестьянин из Бастефаля. Только одну он не захотел взять.

– На что мне хромая курица, – сказал он. – Сверните ей шею, и делу конец.

У хохлатки, которой крестьянин из Бастефаля советовал свернуть шею, была сломана ножка, кость срослась неправильно, и злосчастная курица отчаянно хромала. На пригорке возле хлева рядом с Эмилем стоял один из хозяйских мальчишек, вот он и буркнул Эмилю:

– Ну и глупый же дед, не хочет брать Лотту-хромоножку. А она несётся лучше всех кур, ей-ей!

Тогда Эмиль громко крикнул:

– Двадцать пять эре за Лотту-хромоножку!

Все рассмеялись. Разумеется, все, кроме папы Эмиля. Он подскочил к Эмилю и схватил его за шиворот:

– Ах ты неслух! Сколько ещё глупостей ты собираешься натворить за один день? погоди, насидишься у меня в столярке!

Но сказано – сделано. Эмиль предложил двадцать пять эре, и отступить было поздно. Лотта-хромоножка стала его собственностью, нравилось это папе или нет.

– Во всяком случае, теперь у меня две собственные животинки, – сказал он Альфреду. – Один конь и одна курица.

– Да, верно, конь и хромая курица, – добродушно поддакнул Альфред и, как всегда, рассмеялся.

Эмиль посадил Лотту-хромоножку в ящик и поставил его у дровяного сарая среди прочих своих сокровищ. Там у него были: помпа, лопата, бархатная шкатулочка и стреноженный Лукас. Эмиль оглядел своё имущество и остался очень доволен.

Ну а как там дела у Лины с торпарём из Кроки? Эмилю и Альфреду пришлось прогуляться туда-сюда, прежде чем удалось выяснить обстановку, и они порадовались, что Лина их не подвела: торпарь из Кроки обнимал её за талию, а Лина кривлялась и гоготала больше, чем обычно. Время от времени она так толкала локтем своего кавалера, что он отлетал к изгороди.

– Видать, это ему по вкусу, – сказал Эмиль. – Только бы она не зашибла его до смерти.

Эмиль и Альфред от души радовались тому, как вела себя Лина. Но кое-кому кривлянье Лины не понравилось. И это был Бультен из Бу.

Он был самый отчаянный драчун и самый горький пьяница во всей Лённеберге, и если на аукционах случались свалки, то главным образом по вине Бультена: ведь чаще всего затевал их он. Ты должен знать, что в те времена работник трудился не разгибая спины от зари до зари, не зная никаких развлечений, весь год напролёт. Поэтому такой вот аукцион был для него настоящим праздником, и больше всего ему хотелось на празднике подраться. Иначе он не знал, как совладать с той неведомой тёмной силой, которая вдруг вскипала в нём, когда он появлялся на людях и пропускал несколько стаканчиков крепкого вина. К сожалению, не все на аукционе пили только лимонад. По крайней мере, Бультен из Бу лимонада не пил.

Он проходил мимо и, увидев, как Лина кривлялась перед торпарём из Кроки, сказал:

– И не стыдно тебе, Лина! На что тебе случился этот облезлый старый кролик? Уж больно стар он для тебя, неужто ты сама не видишь?

Вот так и начинаются драки.

Эмиль с Альфредом увидели, как разозлённый торпарь из Кроки отпрянул от Лины. Хорошенькое дело, только этого недоставало! Неужто Бультен из Бу разрушит всё, что задумали Эмиль с Альфредом?

– Сиди, сиди, пожалуйста! – испуганно закричал Эмиль торпарю из Кроки. – С Бультеном я разделаюсь сам!

Подняв свою лопату, он легонько саданул Бультена по спине. Этого-то и не следовало делать. Бультен обернулся и схватил Эмиля. От злости лицо его перекошилось. Эмиль повис в огромных ручищах Бультена, думая, что настал его последний час.

– Отпусти мальчонку, – закричал Альфред, – а не то костей не соберёшь, не будь я Альфред!

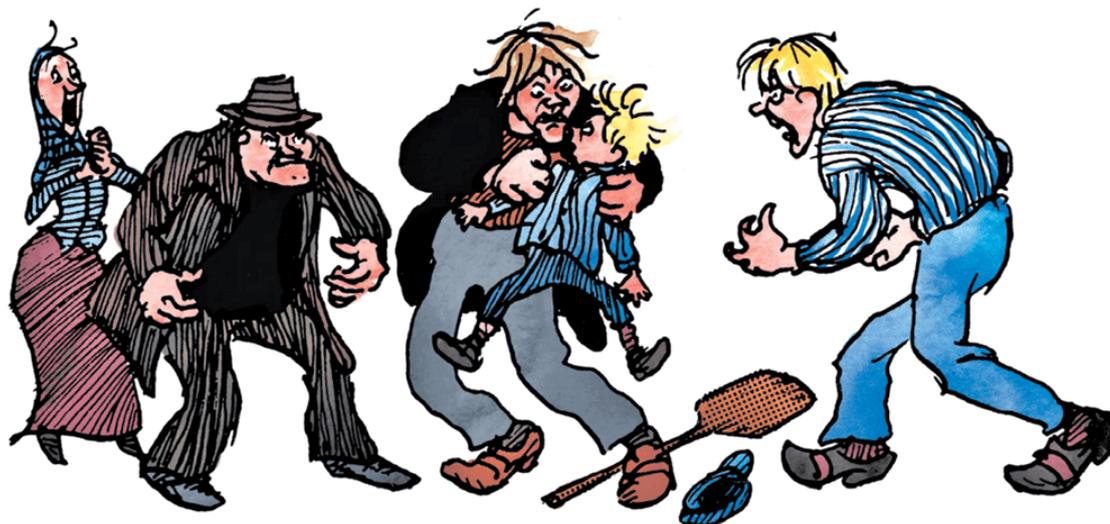
Альфред был тоже не робкого десятка, да и руки у него чесались подраться. Не прошло и двух секунд, как он схватился с Бультеном так, что кости затрещали. Все этого только и ждали.

«Не пора ли и нам подраться?» – думали работники. Теперь они бежали со всех сторон, чтобы успеть принять участие в драке.

– Это они из-за меня дерутся! – заголосила Лина. – Вот драма-то какая! Вот беда-то!

– Большой беды не случится, ведь у меня в руках лопата, – утешил её Эмиль.

Бросившиеся в драку молодцы сбились в огромную кучу и, сцепившись, шевелились в ней, точно раки: они толкались и вырывались, кусались, били и молотили друг друга, ругались и орали. Из-под этой кучи силились выбраться Альфред вместе с Бультемом и торпарём из Кроки и ещё кое-кто.

Эмиль испугался, что они раздавят его дорогого Альфреда, и сунул лопату в кучу, стараясь помочь другу. Но из этого ровно ничего не вышло: куда бы ни бросался Эмиль, отовсюду высовывалась чья-нибудь грозная пятерня, которая пыталась сбить его с ног и втянуть в драку.

Эмилю этого вовсе не хотелось. Поэтому он вскочил на Лукаса и давай скакать вокруг дерущихся! Гарцуя на коне с развевающимися волосами и с лопатой в правой руке, он немного смахивал на рыцаря, который с поднятым копьём бросается в самую гущу сражения.

На скаку Эмиль расталкивал своей лопатой драчунов. Верхом на лошади сподручнее управляться с лопатой, и Эмилю в самом деле удалось разогнать тех, кто был на самом верху. Но то и дело набегали новые молодцы и очертя голову бросались в драку. И как бы ловко ни орудовал Эмиль лопатой, высвободить Альфреда он не мог.

Женщины и дети плакали и кричали от испуга, а папа Эмиля и другие рассудительные хуторяне держались в стороне и тщетно зывали:

– Ну, парни, пора кончать! Поди, много будет ещё аукционов. Поберегите кровушку и для другого раза!

Но парни вошли в раж и ничего не слышали. Они хотели только драться, драться и драться.

Эмиль отшвырнул лопату в сторону.

– Ну-ка, Лина, помоги мне, – сказал он. – Нечего нюни распускать. Видишь, жених твой в самом низу!

Я уже говорила, что Эмиль был мальчонка сметливый. Отгадай, что он сделал? У него была помпа, а в колодце была вода. Он велел Лине качать воду, а сам взялся за шланг, и вода хлынула так весело, что любо-дорого смотреть.

Вся эта куча-мала дрогнула, когда в неё что есть силы ударила струя холодной воды. И хочешь – верь, хочешь – нет, Эмиль поработал шлангом всего лишь несколько минут – драка стала стихать и сама по себе прекратилась. Одно за другим высовывались из кучи распухшие удивлённые лица, и все драчуны постепенно поднимались на ноги.

Запомни: коли попадёшь в драку и захочешь положить ей конец – холодная вода куда лучше лопаты. Не забывай об этом!

И работники вовсе не думали сердиться на Эмиля. Теперь, поразмявшись и избавившись от бродившей в них дикой силы, они были даже довольны, что драка кончилась.

– К тому же через неделю будет аукцион в Кнасхульте, – сказал Бультен из Бу и сунул клочок мха в нос, чтобы остановить кровь.

Эмиль тут же подскочил к хозяину Кнасхульты, который тоже был там и видел драку, и продал ему помпу за пятьдесят эре.

– На этом деле я заработал двадцать пять эре, – сказал Эмиль Альфреду, и примерно тогда уже Альфред понял, что из Эмиля, когда он подрастёт, выйдет крупный делец.

Аукцион кончился, и все, собрав купленные в Бакхорве вещи, скотину и птицу, заторопились домой. Папа Эмиля тоже отправился домой со своей коровой и свиньёй.

Свинью погрузили на повозку, и Лотту-хромоножку – тоже, хотя папа Эмиля недовольно косился на ящик с курицей. Все думали, что купленная папой корова Рёлла побредёт следом за повозкой, но никто не спросил у неё, что она сама думает об этом.

О бешеных быках тебе, наверно, доводилось слышать. А знаешь ли ты что-нибудь о бешеных коровах? Могу тебе сказать, что когда корова разозлится по-настоящему, то даже у самых бешеных быков поджилки трясутся и они в страхе убегают и прячутся.

Эта Рёлла всю жизнь была самой добродушной и кроткой скотиной, какую только можно вообразить. Но, когда Альфред с Линой пришли, чтобы вывести её из хлева на большак и погнать домой в Катхульт, она с силой вырвалась и заревела так бешено, что все, кто был на аукционе, в ужасе подскочили. Может, она видела, как дрались работники, и подумала: «На войне как на войне» или «Аукцион так аукцион». Во всяком случае, она словно взбесилась и подойти к ней было просто опасно. Первую попытку сделал Альфред, а за ним – папа Эмиля. Но Рёлла, опустив рога, с безумными глазами и яростным рёвом бросилась на них. Оба – и Альфред, и папа Эмиля – пустились наутек словно зайцы, спасая свою жизнь. На помощь прибежали другие крестьяне, но Рёлла никого не подпускала к хлеву и быстро всех разогнала.

– Драма-то какая! Вот беда-то! – сказала Лина, увидев, как хозяин Бакхорвы, торпарь из Кроки, другие хуторяне, а также Бультен из Бу бегут сломя голову, а Рёлла гонится за ними по пятам.

Под конец папа Эмиля совсем потерял голову и заорал:

– Я отдал за это чучело коровы восемьдесят крон! С меня хватит! Где ружьё? Её надо пристрелить!

Выговорив эти слова, он дрогнул. Но какой прок от бешеной коровы? Это он и сам понимал, да и другие тоже. Хозяин Бакхорвы принёс заряженное ружьё и сунул в руки папе Эмиля:

– Лучше уж ты сам!

Но тут Эмиль как закричит:

– Стойте, погодите!

Я уже говорила, что Эмиль был сметливый мальчонка. Он подошёл к отцу и попросил:

– Раз ты всё равно хочешь убить Рёллу, лучше отдай её мне.

– А тебе-то на что бешеная корова? – спросил папа. – Охотиться на львов? – Но папа-то знал, что Эмиль умеет обращаться со скотиной, и потому сказал: – Сумеешь довести Рёллу до Катхульты, она будет на веки вечные твоей собственной, какой бы бешеной она ни была.

Тогда Эмиль пошёл к крестьянину из Бастефаля, тому самому, что купил шесть коров, и спросил его:

– Сколько ты мне заплатишь, если я погоню твоих коров до самого Катхульты?

Хутор Бастефаль был далеко, на другом конце прихода, и гнать туда перед собой шесть коров не очень-то весело – это хозяин Бастефаля хорошо знал. Поэтому он тотчас вытащил из кармана брюк двадцать пять эре.

– Ступай! – согласился он. – Вот тебе монета.

Угадай, что потом сделал Эмиль? Он шмыгнул мимо Рёллы в хлев и отвязал коров, которые там стояли. Едва он выгнал их во двор, как Рёлла сразу перестала реветь и опустила глаза, словно ей стало стыдно. Но что было делать несчастной корове, когда её выгоняли из родного хлева, где оставались другие её товарки, с которыми она привыкла всегда быть вместе? Она разозлилась и обиделась, но догадался об этом лишь один Эмиль.

А теперь Рёлла послушно затрусилась по дороге вместе с другими коровами, и все, кто был на аукционе, рассмеялись и решили:

– Нет, этот мальчонка из Катхульты не так уж и прост!

И Альфред тоже смеялся.

– Эмиль Свенсон – скотовладелец, – сказал он. – Теперь у тебя есть конь, хромя курица и бешеная корова. Чего бы тебе ещё хотелось?

– Ладно, придёт время, и у меня наверняка всего станет больше, – спокойно ответил Эмиль.

Мама Эмиля стояла у кухонного окна в Катхульте, поджидая с аукциона мужа и сына. Когда она увидела на дороге величественный караван, глаза у неё полезли на лоб. Впереди – повозка с папой Эмиля и Альфредом, Линой, поросой свиньёй и Лоттой-хромоножкой, которая громко кудахтала, радуясь только что снесённому яйцу. За повозкой одна за другой семь коров и, наконец, гарцующий на Лукасе Эмиль, который деревянной лопатой поддерживал порядок, следя за тем, чтобы ни одна корова не отбилась от стада.

Мама Эмиля кинулась во двор, за ней выскочила маленькая Ида.

– Семь коров! – закричала мама папе Эмиля. – Кто из нас спятил – ты или я?

– Не мы, а корова, – буркнул папа.

Но ему ещё долго пришлось бурчать, прежде чем мама поняла, в чём дело.

– Спасибо тебе, Эмиль! Но как ты всё-таки мог узнать, что моя лопата на днях треснула надвое, когда я сажала хлебцы в печь?

Потом она ахнула, увидев нос Альфреда, ставший вдвое толще прежнего.

– Где это тебя угораздило? – спросила мама Эмиля.

– На аукционе в Бакхорве, – ответил Альфред. – А в следующую субботу надо ехать в Кнасхульт с такой вот дулей.

Лина, мрачная и раздосадованная, слезла с повозки. Теперь она не кривлялась и не гоготала.

– Что это у тебя такой кислый вид? – спросила мама Эмиля. – Что стряслось?

– зуб болит, – отрезала Лина.

Торпарь из Кроки то и дело угощал её леденцами, и от них у неё так разболелся коренной зуб с дуплом, что голова прямо-таки раскалывалась.

Но болит зуб или не болит, надо немедленно отправляться на выпас доить хуторских коров, потому что время дойки уже миновало.

Время доить Рёллу и других коров с аукциона тоже давно прошло, и они напоминали об этом громким мычанием.

– Я не виноват, что хозяина Бастефаля здесь нет и он не может подоить своих дохлых коров, – сказал Эмиль и уселся доить сам – сперва Рёллу, а потом и остальных коров.

И он надоил тридцать литров молока, которое мама поставила в погреб, а потом сварила из этого молока сыр. К радости Эмиля, ему досталась громадная головка вкусного сыра, и он долго им лакомился.

А яйцо, которое Лотта-хромоножка снесла по дороге домой, Эмиль сразу же сварил и положил на кухонный стол, за которым его папа, насупив брови, ждал ужина.

– Это от Лотты-хромоножки, – сказал Эмиль.

Потом он налил папе стакан парного молока.

– А это от Рёллы, – угощал он.

Папа молча ел и пил, пока мама Эмиля сажала в печь караваи хлеба. Лина положила горячую картофелину на большой зуб, и зуб занял в семь раз сильнее прежнего – всё было точь-в-точь как она и ждала.

– Эй, знаю я тебя, – сказала Лина зубу. – Коли ты глуп, то я и подавно могу быть глупой.

Альфред рассмеялся.

– Торпарь из Кроки сумел-таки подъехать к тебе с леденцами, – сказал он. – Вот теперь и иди за него замуж!

Лина фыркнула:

– Больно надо за этакого-то сморчка! Ему уже пятьдесят лет, а мне только двадцать пять. По-твоему, мне нужен муж в два раза старше меня?

– Ну и что! – сказал Эмиль. – Какая разница?

– Ишь какой, – ответила Лина. – Теперь ещё куда ни шло, но поразмысли: когда мне пятьдесят стукнет, а ему сто – вот тогда будет мороки с ним, упаси меня Бог!

– По уму твоему, Лина, ты и счёт ведёшь, – сказала мама, затворяя печь заслонкой. – Ну что за чудесная лопата! – похвалила она.

Когда папа съел яйцо и выпил молоко, Эмиль сказал:

– Ну а теперь пойду-ка я в столярку!

Папа буркнул, что, мол, на этот раз Эмилю вовсе не обязательно там сидеть, раз всё обошлось.

– Нет уж, слово есть слово! – заявил мальчик.

Он молча и чинно отправился в столярную стругать сто двадцать девятого деревянного старичка.

А Лотта-хромоножка уже сидела на своём насесте в курятнике; Рёлла же, вполне довольная, бродила на выпасе вместе с другими хуторскими коровами. Тем временем за своими шестью коровами пришёл крестьянин из Бастефаля. Они с папой долго болтали об аукционе и обо всём, что там случилось, и прошло немало времени, прежде чем папа смог пойти за Эмилем, чтобы выпустить его. Но только хозяин Бастефаля отправился в путь, как папа поспешно направился к сыну.

Подойдя к столярной, он увидел маленькую Иду – девочка пристроилась на корточках на скамейке под оконцем. В руках она держала бархатную шкатулочку, украшенную ракушками. Она держала её так, словно у неё в жизни ничего дороже не было. Собственно, так оно и было. И папа Эмиля буркнул:

– Дурацкая покупка! Старая бархатная шкатулка!

Маленькая Ида не заметила, как подошёл папа. Доверчиво и послушно повторяла она за Эмилем те слова, которые он ей шептал из тёмной столярной. Папа побледнел, услышав их, ведь грубее этих слов в Катхульте никогда не произносили. И они звучали ничуть не лучше оттого, что Ида произносила их нежным, ласковым голоском.

– Замолчи, Ида! – рявкнул папа.

Просунув пятерню в оконце, он схватил Эмиля за шиворот:

– Ах ты неслух! Сидишь тут и учишь сестрёнку ругаться!

– Вовсе нет, – ответил Эмиль. – Я ей только сказал, чтоб она не смела говорить «чёрт возьми», и заставил выучить ещё и другие слова, которых надо бояться как огня.

Вот теперь ты знаешь, чем занимался Эмиль двенадцатого июня, и, если даже не всё обошлось гладко, надо всё же признать, что в тот день он совершил удачные сделки. Подумать

только! Раздобыл за один раз добрую молочную корову, отличную несущку, чудесную хлебную лопату да ещё молоко, которого хватило на громадную головку вкусного-превкусного сыра.

Единственное, что огорчало папу, была старая бархатная шкатулочка, ни на что не годная, но она очень полюбилась маленькой Иде. Девочка сложила в неё свой напёрсток, ножницы, красивое голубое стёклышко и красную ленту для волос. А из шкатулки выбросила на пол связку старых писем. Выйдя из столярной в субботу вечером, Эмиль явился на кухню и сразу увидел в углу эти письма. Он их тут же и подобрал. Альфред расхаживал по кухне с хлопушкой и усердно бил мух, чтобы Лина в воскресенье могла спокойно отдохнуть. Эмиль и показал Альфреду связку писем.

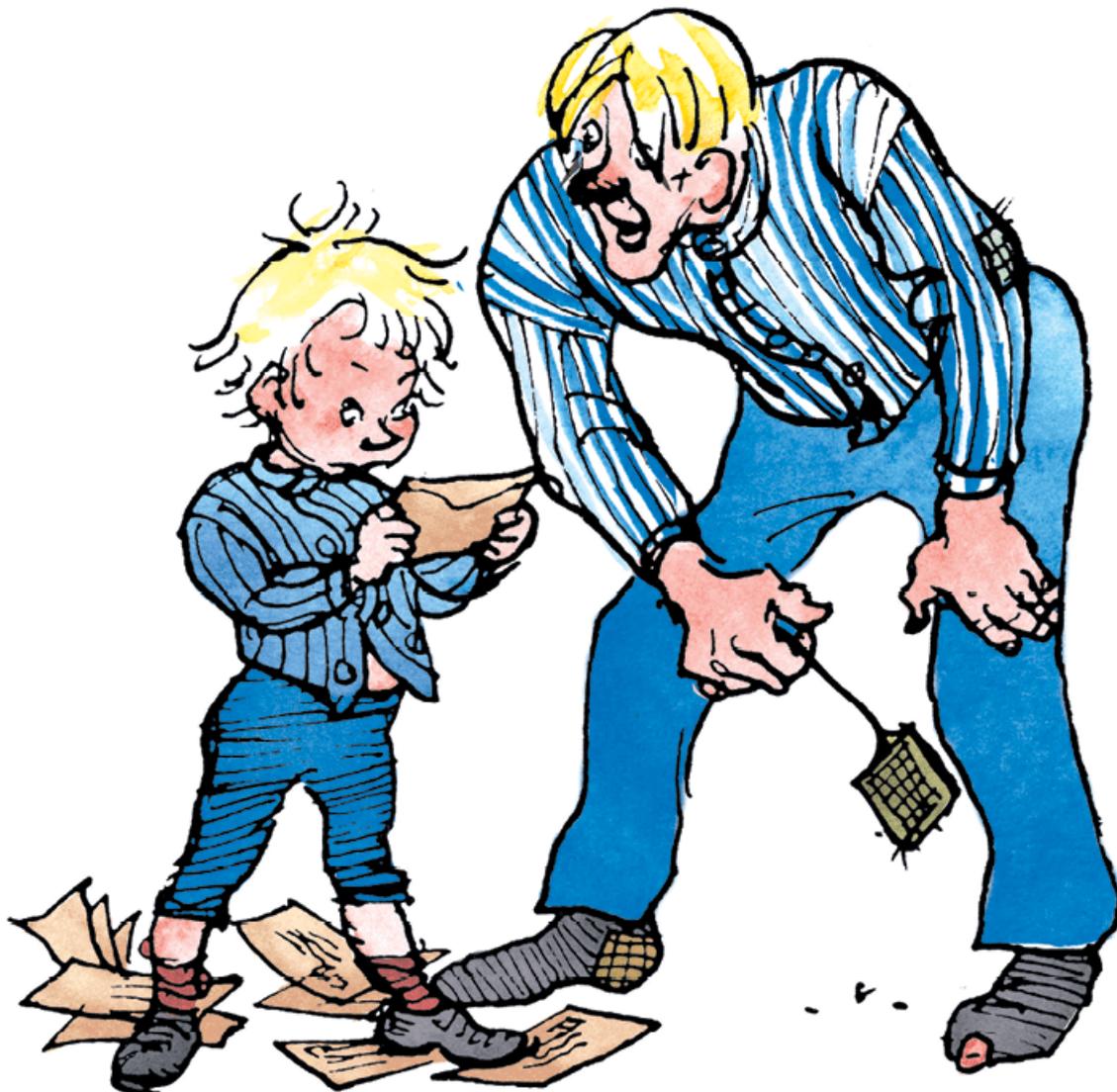
– Всё может сгодиться, – сказал Эмиль. – Коли мне когда-нибудь понадобится послать письмо, у меня будет целая груда уже написанных.

Первым в связке лежало письмо из Америки, и Эмиль даже присвистнул, увидев его.

– Чудеса в решете, Альфред, глянь-ка, тут письмо от Адриана!

Адриан был старший сын хозяев Бакхорвы, который давным-давно уехал в Америку и за всё время только разок написал домой. Об этом знала вся Лённеберга, и все были сердиты на Адриана и жалели его бедных родителей. Но что написал Адриан в этом письме, которое наконец пришло в Бакхорву, никто не знал. В Бакхорве об этом помалкивали.

– Небось теперь всё можно узнать, – сказал Эмиль. Он сам научился читать как по-печатному, так и по-письменному. Мальчик-то он был толковый!

Эмиль открыл конверт, вынул письмо и прочёл его вслух Альфреду. На это не ушло много времени, так как письмо было коротким. Вот что в нём было написано:

Я видел Мидведя. Шлю вам адресс. Гуд бай покедова.

– От этого письма вряд ли мне будет какой прок, – молвил Эмиль.

Ну да это ещё как сказать!

Наступил вечер. Суббота, двенадцатое июня, подходила к концу, ночь спустилась над Катхультом, даруя покой и тишину всем, кто там жил, и людям, и животным. Всем, кроме Лины, у которой болел зуб. Она лежала без сна на своём деревянном диване, не в силах уснуть, стонала и причитала, а тем временем короткая июньская ночь пролетела, и настал новый день.

Ещё один новый день в жизни Эмиля!

Воскресенье, 13 июня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.